

*Продолговатый и твёрдый овал,
Чёрного платья раструбы...
Юная бабушка! Кто целовал
Ваши надменные зубы?*

Из стихотворения
Марины ЦВЕТАЕВОЙ "Бабушке"

УМАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ и Анны Ахматовой есть два поразительно похожих стихотворения. Оба посвящены старинным аристократическим портретам. Цветаева любителю локонами и надменностью "двадцатилетней польки"; Ахматова ритмично констатирует: "Сжала тебя золотистым овалом / Узкая, старая рама. / Непр за тобой с голубым опалом, / Стройная белая дама". Впрочем, финальный вопрос тот же: "И для кого эти жуткие губы / Стали смертельной отравой?"

В русской и зарубежной литературе существует приём: явить мир героя через фамильный портрет. Так, пушкинский Германн, крадучись, углядел, что "...на стене висели два портрета, писанные в Париже m-me Lebriul. Один из них изображал мужчину лет сорока, румяного и полного, в светло-зелёном мундире и со звездою; другой — молодую красавицу с орлиным носом, с зачёсанными висками и с розою в пудренных волосах". Читателю 1830-х годов становилось ясно: ветхая графиня живёт единственно прошлым, погруженная в плетильную сладость талантливого столетия, когда она была молода и блистала. Для современников Пуш-

У советско-российской художницы Татьяны Назаренко есть сюрреалистическая картина "Московский вечер" (1978), где явлен типичный "квартирник" 1970-х, но фантастическим, полупрозрачным фоном дан силуэт дамы с парадного портрета 1770-х годов — пудренная куафюра, строгое декольте, полуоткрытый веер. Она незримо присутствует на вечеринке "брежневской" интеллигенции, как бы выстраивая линию культурной преемственности. Старинный образ, лик времени. История рода — биография страны. И — унесённый ветром. Ветром эпох, войн, революций.

В Государственном историческом музее работает выставка "Аристократический портрет в России XVIII — начала XX века" из собрания живописи музея. Экспозиция интересна тем, что даёт представление как о знаковых персонах, так и о малоизвестных, практически нигде не упоминаемых. Переходя из зала в зал, можно проследить, как менялись направления

цлера Остермана (1738) — оба юноши свежи, надменны и одеты на версальский манер. Рядом и могучая фигура графини Марфы Ивановны Остерман (1738) — уродённой Стрешневой. Франкарт роскошно писал ткани, а потому парча Марфы Ивановны и бархаты младших Остерманов получились даже лепо.

Изумительна кисть Дмитрия Левицкого — малоросса, раскрывшего свой талант исключительно на русско-имперской почве и отточившего умения, рисуя именитых казаков. Наталья Ивановна Мельгунова, в девичестве Салтыкова (1780-е гг.) изображена в домашнем платье перед зеркалом, с драгоценной табакеркой в руках. В XVIII веке небольшие табачи считались проверенным средством для улучшения здоровья. Табакерки, изукрашенные камнями, были наилучшим презентом — особенно, если этим предметом одаривала сама императрица.

УНЕСЁННЫЕ ВЕТРОМ

«Аристократический портрет в России XVIII — начала XX века» в Историческом музее

«Портрет княгини Зинаиды Юсуповой в русском костюме» (1900-е). Художник Константин МАКОВСКИЙ

кина картины Вилге-Лебрен казались чудовищным архаизмом.

Николай Гоголь — беспощадный в своих определениях, наделяет ад "Мёртвых душ" ещё и пафосным дурновкусием. "Между крепкими греками, неизвестно каким образом и для чего, поместился Багратион, тощий, худенький, с маленькими знамёнами и пушками внизу и в самых узеньких рамках" — наблюдает жулик Чичиков у куркуля Собакевича. У нелепой Коробочки и то висел портрет Кутузова и "...писанный масляными красками какой-то старик с красными обшлагами на мундире, как нашивали при Павле Петровиче". И нам, и Чичикову всё понятно: то папенька и, скорее всего, малевал крепостной мастер, коего уж, верно, и в живых-то нет.

живописи и сколь затейливой была мода на кружева и ленты. Репрезентативность уступала психологизму. Аристократические фамилии — творцы и паразиты, службисты и бунтари, бластители морали и вертопрахи. Поскольку большинство экзонатов реквизиrowали в ходе Революции и Гражданской войны из аппартаментов, имений, личных коллекций, то картины различаются по качеству исполнения: так, признанные шедевры оказались по соседству с посредственным, но крепким ремеслом какого-то немца-гастарбайтера.

Например, однотипно-добротные изделия Иоганна Франкарта, подвизавшегося в эпоху Анны Иоанновны в Москве и Петербурге. Судя по клиентуре, герр Франкарт высоко ценился в светских кругах: так, мы наблюдаем портреты сыновей могущественного вице-кан-

Несмотря на высокое мастерство русских живописцев (и крепостных, в том числе), знать предпочитала, чтобы их писали заморские знаменитости. Так, на излёте XVIII столетия была в фаворе Ангелика Кауфман — ловкая немецкая рисовальщица и в какой-то мере авантюристка, что вполне укладывалось в стилистику того бурного и светного времени. В Россию она так и не доехала, зато принимала у себя в римской мастерской весь екатерининский бомонд. На выставке можно увидеть изысканный портрет графини Анны Александровны Чернышёвой с дочерью (1793), одетых в якобы античном духе, с венками, украшающими не напудренные локоны. Франтовство сделало неуместным — теперь всем нравилась благоуханно-свежая простота. Из той же серии — работы Жана-Луи Вуаля, почти не известного у себя на родине, зато получавшего богатые заказы в Санкт-Петербурге. На экспозиции — ряд "вещиц" Вуаля. Например, изображение княгини Екатерины Барятинской (1791 или, скажем, портрет князя Александра Куркина (1790). Одно время француз подвизался в качестве придворного живописца Павла I, да и вообще создал в России особый тип "сентиментального портрета", где выражение глаз важнее лент с регалиями.

Удивителен портрет Екатерины Долгорукой "Танец с шалью" (ок. 1800), атрибутированный как автопортрет — в те годы некоторые способные дамы, подражая старушке Лебрен и не менее значительной Кауфман, упражнялись в искусствах. Античноориентальная мания: дамы вообразили себя нимфами, а чтобы не умереть от простуды в сложном для наяд и граций климате, затребовали кашмирскую или турецкую шаль. С этим предметом надо было уметь обращаться. Па-де-шаль (Pas de Chale) — импровизационный танец, позволявший выказать чувства и явить стройность тела. Задочно — похвастаться редкостной вещью: привезённые с Востока шали стоили дороже иных бриллиантов. Автопортрет Долгорукой чудо как хорош: перед нами изыщный поворот, слегка расстрёпанная, как требовала мода, причёска, и главнейший акцент повествования — красная шаль на сером фоне скромного платья.

А вот — изображение одного из князей Гагариных (1837) в персидском халате. Писал заезжий немец Карл Иозеф Штилер — с чувством, с толком, с расстановкой. Те восточные халаты, если они, конечно, не превращались в обломовский "кокон" — символы покорения земель. Наброшенный халат с древним золотым шитьём означал: обладатель служил в "горячей точке" и привёз, по сути, трофей.

Ещё один иностранец — Франц Рисс, живший в России и имевший крупские заказы от великосветской публики. Представляет портрет княгини Татьяны Голицыной (1835) — кавалерственной дамы и московской благотворительницы. Её наряд, хоть и выполнен в

чёрно-белой гамме, пышен и перегружен, как у гоголевских дам — "фестончики, всё фестончики". Как же автору удалось написать кротко-добрые глаза, если он так огульно копировал газовые рукава и золотые украшения? Язычительная светская сплетница пушкинской эпохи Долли Фикельмон упоминала о Голицыной восторженно и желчно, как умела: "Княгиня относится к тем женщинам, которых я могла бы полюбить. У неё чарующая прелесть во взоре, улыбке, словах. Она уже немолода, не очень красива, но весьма интересна".

Очаровательны работы крепостного мастера Фёдора Тулова, создавшего серию образов князей Шаховских. Более других притягивает совсем юная Александра Шаховская (1815) — на тёмном фоне, с пышным барочным букетом в ампирной вазе. Контраст детскости лица и серьёзного, почти мрачного, фона, странное смещение стилей (а тут явная отсылка к XVII веку) — всё это делает картину незабываемой. Многозначительная деталь русской культуры: если писатель — то барин, если художник — то крепостной или же иноземец. Бывали разные вариации, но это — правило, тенденция.

А мы продолжаем разглядывать лики былого. Милейшая, капризная англоманка Лизонька (Бетси) Чернышёва (1845-46). В чёрной "амазонке" в момент одной из конных прогулок. Средненькая живопись Генри Эндрюса, напоминающая тогдашние английские рекламные путешествий, зато всё "по-аглички", а сама Бетси выглядит истинной english rose — как называли поэты и обыватели привлекательных англичанок с тонкой талией, розовым лицом и крохотным прямым носом.

В середине XIX века в Париже, Вене и Лондоне премела слава Франца Ксавера Винтерхальтера, искусного портретиста, умевшего потрафить императрице Евгении и госпоже Миттерних. Ему стали подражать, и небесталанный Иван Макаров выдаёт Евдокию Трегубову (1869) в совершенно винтерхальтеровской манере. Правда, русскому художнику хватило смелости нарисовать усталость и печаль этой красивой дамы — Винтерхальтер же из любой кривобокрой принцессы "ваял" чудо в сладких розочках. Ивана Макарова, кстати, привлекали знатные клиентелы — он был удостоен живописать саму императрицу Марию Александровну.

На экспозиции можно увидеть шедевры Константина Маковского. В центре внимания — лицо Зинаиды Юсуповой, графини Сумароковой-Эльстон (1900-е гг.). Одна из самых красивых женщин империи, она восседает в боярском платье.

В Серебряном веке популярность русского стиля и донетровской благодати — в самом разгаре. "Матушка от природы имела способности к танцу и драме. И танцевала, и играла не хуже актрис. Во дворце на балу, где гости одеты были в боярское платье XVII века, государь просил её исплясать русскую. Она пошла, заранее не готовясь, но плясала так прекрасно, что музыканты без труда подыграли ей. Её вызывали пять раз", — повествует сын героини, Феликс Юсупов.

Ещё один замечательный типаж — портрет графа Сергея Зубова (1913), писанный заграничным автором Джованни Больдини. Столпы европейского и американского высшего общества выстраивались в очередь, дабы засветиться у коммерчески успешного сиёнора Больдини. Итак, один из графов Зубовых. Идеальный мужчина Прекрасной эпохи высок, атлетически сложен и утончён. Одежда его проста и изысканна, ибо он любит комфорт и технику, не намереваясь отказываться от одной радости в пользу другой. Предреволюционная жизнь оказалась наполнена дивными штучками и предвкушением (!) краха.

Все эти люди — хорошие они или дурны — являются частью исторического процесса, фрагментами сложнейшей мозаики, а потому здесь равны все — и денатели, и безденатели. Тут были старинные фамильные портреты, которых потомков, может быть, и на свете нельзя было отыскать — читаем у Гоголя. И переносим в настоящее. Жестокому XX веку пришлось разметать и физически уничтожить многих из тех, кто носил фамилии Голицын, Шаховской, Шереметьев. Унесено ветром. Восстановлению не подлежит. Нам же остаётся лишь смотреть на портреты и восторгаться жемчужной серёжкой, тщательно выписанной крепостным гением.

Галина ИВАНКИНА

Захар ПРИЛЕПИН. Некоторые не попадут в ад: роман-фантастический. — М.: АСТ. 2019. — 382 с.

ЕСТЬ КНИГИ "о" книги "про", а есть книги "из". Эта книга как бы проистекает из самой себя. Как заметил сам автор, "книжка сама рассказалась", превратившись в настоящий документ, что-то очень самодостаточное, самоценное, выпав из слишком нынешних (бренных) споров о том, стоит ли сегодня вообще писать и издавать придуманное, и не сосредоточиться ли современным писателем на том, что принято называть нон-фикшен? Захар Прилепин выдал книгу, обязательную для чтения, книгу, которая является и бесценным свидетельством странной войны, и образцом прекрасной, самой настоящей литературы.

Книга эта — пример того, как очень значимое, по самым высоким меркам, историческое Событие рассказывает само себя. Если ты не расскажешь о себе сам, то о тебе расскажут Другие. Очень многое важное у нас рассказывается Другими. Не знаю, почему. Может, мы просто ленимся, или уже привыкли отдавать своё сокровенное на перекосах Другим. Эта книга — исключение. Странная, ещё далеко не закончившаяся война в Донбассе, рассказала саму себя. Лично мне про неё стало всё ясно. Она уже случилась где-то внутри. Все последующие события будут только догонять уже бесповоротно случившееся. Грядущим последующим событиям придётся догонять авторскую, очень прилепинскую скоростную саморассказку этой войны. Автор выдал портрет исповедальной скоростности. Наверное, исповеди не могут быть размеренными, неспешными. Исповеди — скорые, часто сбивчивые. Там всегда и всё очень сложно. Прилепина после этой книги уже нельзя воткнуть в дурацкие матрицы дешёвой медийной драмы. Очень чувствуется, что ему нужно было объясниться. Он это сделал блестяще. Теперь публике придётся постараться понять. И "догнать".

Придётся постараться понять очень удавшуюся автору феноменологию имперского терпения. Не смирения, а терпения. Появилась горькая возможность пережить этот опыт. Появилась возможность оказаться внутри тех временных отрезков, во время которых империя сосредотачивается, собирается с силами. Эти отрезки редко описываются в учебниках истории, потому что большая страна, только-только пережившая смуту, ещё не совсем проснулась, ещё откладывает тот самый миг самоопределения. Большая страна, кажется, ещё не поняла, что эта война про неё, эта война о ней.

Придётся постараться понять, каким бывает столкновение человека с большой имперской машиной, которая вряд ли поддаётся этическим оценкам, которая существует согласно какой-то своей своей логике, которая управляет какими-то своими ритмами, оставляя нам лишь поводы к мемуарам. У Захара Прилепина получилось создать особенные, скорые мемуары. Это "неправильные" мемуары. Книга — вопиющее сегодняшняя и здешняя, даже сиюминутная. Это мемуары о мгновении, в них — поминание исторического мига, в который, однако, уместилось всё самое главное. И странное, долгое противостояние в этой войне лишь поверхностно напоминает что-то похожее из времён Первой мировой войны. Тут что-то другое. Что-то ментальное, душевное, внутреннее, необычайно образное, точное, обладающее отчётливым настроением.

После этой книги война на Донбассе уже точно есть — она превратилась в упрямый факт русской культуры. Захар Прилепин сделал всё, чтобы война не превратилась на наших глазах в один из безмолвных горячих конфликтов на постсоветском пространстве, для которого некоторые политологи уже придумали академические определения-эпиграфы вроде "точка в распаде Советского Союза". У этой войны для меня появилось человеческое лицо. Лица. И уже нельзя подвести Шамана и Кубань, Араба и Злого, Графа и Тайсона...И нельзя предать память о Бате. Вечная ему память.

Евгений ФАТЕЕВ

Игорь КРЮКОВ. От Самарги до Тумангана. Удивительный мир Приморского края: фотоальбом. — Изд-во "Студия КрОСт". — 336 с.

ВТОМ, ЧТО наша Родина — красавица, убеждаешься с того момента, как помнишь себя. Эта красота окружает тебя повсюду: реки, леса, поля, горы, озёра, моря, океаны... Всё есть, всё — твоё. Живёшь ли ты или просто побывал в восхитительном Крыму — и замираешь от восторга, видя горы, море, слушая его, вдыхая аромат лаванды. В обожаной ли средней полосе России, этой песни песней: в Белгород, Брянске, Курске, Рязани. Или в Приморском крае, на берегу Тихого океана, благоговение перед которым, перед скалами, нависающими над ним, непорохиднее. В Магадане ли, на изумительной по красоте земле с изумительным Охотским морем, из волн которого выплывает любящая перла.

Всё прекрасно! Ты убеждаешься в этом, путешествуя по стране. И убеждаешься, когда видишь фотографии тех мест, где ты ещё не бывал, или побывал, но автор снимков показал тебе то, что видел ты, так, как видит он. Дополнительная красота, дополнительное наслаждение.

Фотограф Игорь Крюков исходил весь Приморский край, карабкался по скалам, пробирался по снегу, продирався сквозь чащобы, часами лежал в схроне возле троп леопарда, восходил на горы, к гнёздам птиц, погружался в океанские воды, чтобы запечатлеть всю эту красоту, одарить ею нас и погрузить в восторг и упоение.

Всё-таки Бог создал человека, чтобы было, кому оценить красоту мироздания. И создал нас, живущих в России, чтобы мы, как никто на Земле, замирающие от восторга перед прекрасностью своей совсем не экзотичной, но такой ненаглядной Родины, находили в этой красоте и силы, и утешение.

Екатерина ГЛУШИК

ИСКУССТВО И ПОРЯДОК

Культурная политика без глупостей

ВОЙНА — продолжение политики, которая, в свою очередь, является логичным продолжением экономики. Возможно, с этим можно поспорить, но если изучить причины любого конфликта, то важнейшим из факторов, приведшим к противостоянию, скорее всего, будет именно экономика. Конфликт не всегда война, иногда это — вежливые переговоры при пальцах, где выбивается решение, у кого будет больший кусок.

В области культуры действуют абсолютно такие же законы, как на войне между государствами, поспориwими за очередную точку на карте, где есть нефть. Бокут культуры вертятся астрономические суммы, за которые имеет смысл вести борьбу, и она идёт.

Ведомство воюет с ведомством, этаж с этажом, кабинет с кабинетом. Есть мнение, что "внутриведомовая борьба" полезна для организации.

Может быть и так, только организм, у которого нет целеполагания, называется телом, или трупом. Современная российская культура находится примерно в таком состоянии. Какие цели у нашего искусства? Вопрос простейший.

При СССР — прославить трудового человека и далее по списку. Кого сейчас? Либеральные деятели от культуры кричат: никого не нужно прославлять, и не мешайте художнику творить, он имеет право. При этом забывают добавить, что художники и прочие деятели "искусств", которым закон не писан, живут за счёт государства.

Недавно отпустили под подписку известного театрального режиссёра, которого судят за воровство казнённых денег.

Либеральная общественность визжит, что он кристальный гений, что деньги — низкая для него сфера и кровавый режим душист свободу.

Патриоты всех мастей требуют инквизиторских решений от российского суда, но никто не задаётся вопросом, почему этому извращенцу в принципе дали бюджет на визуализацию и пропаганду откровенной мерзости.

Он, мол, великий художник, его признали на Западе. На том самом Западе, где уже давно открыты филиалы ада во всех сферах жизни.

Конечно, для них этот "кристальный" режиссёр свой, родной, адский. Как и для российских поклонников прав без обязанности.

Один итальянский художник в мае 1961-го закатал в девяносто баночек собственных фекалий, протисте. Скромно так, по 30 граммов в каждую, и продал по золотой цене. Так и назвал: "Дермо художника". Относительно недавно одну такую баночку продали на аукционе за 124 000 евро.

Советский Союз отравил первого человека в космос, а через месяц итальянский творец нагнал в баночки и назвал это искусством.

Вокруг искусства деньги крутятся не такие, как в "нефтянке", но это только на первый взгляд. Культура — иммунная система нации.

Если люди начинают считать дермо искусством, то они не способны летать к другим планетам. Это образно, но точно.

Именно это настырно предлагают деятели и менеджеры от ельцинского арта. Именно арта.

Их задача — сохранить прежнее положение дел: уничтожать государство за его же счёт. Говорят, что в России нет художественного рынка, и это, мягко говоря, неправда. Он есть, только работает странно.

Главный спонсор и покупатель — государство, даже если его не видно. И очень часто — покупатель и спонсор таких вещей, что это больше похоже на банальную аферу. Группа неких "экспертов" с международным именем и признанием говорит, что инсталляция из палочек и бумажек — это искусство, выставляет это самое "произведение" в государственных залах и даже платит небольшую сумму "творческой единице", себе же оставляя несколько побольше.

При этом за всё заплатил "путинский режим" — по линии поддержки молодых дарований.

По бумагам всё чисто, только разбросанный на полу государственной галереи мусор — это не искусство, с какой стороны ни посмотри.

А если художника без поддержки Запада не существует, то это повод задуматься: то ли вызывать карательную психиатрию, то ли контразведку.

Упомянутый пример с разбросанным мусором вполне конкретный, а не абстрактный.

Или допустим, когда государство финансирует школу современного искусства, в которой готовят откровенных врагов российского государства, ничего абсолютно не скрывая. Потом всех этих "художников" с преподавателями можноابلудать на либеральных митингах с уточками и плакатами.

Почему государство финансирует инфекцию для себя? Ответ есть. Продавать дермо вместо золота очень выгодно: золота мало, и оно не для всех, а грязи много. Назови грязь золотом, договорись с подельниками — и можно качать деньги из бюджета. Естественно, люди, замешанные в этих схемах, перемен не хотят и очень их боятся.

Недавно тут, кстати, три питерских "художники" написали жалобы в иностранную шарашку, защищающую какие-то права: моп, притесняют в России, караул.

Один плакат на дом повесил, другая катапался в тележке, которой управлял велосипедист в маске главы нашего государства, третий активист или активистка держала плакат на политической акции.

Когда жаловались западным, то заявили, что сатрапы душат свободу выражений мнений "посредством современного искусства".

Два активиста — обычные политические активисты, а третья работает в казённом театре и получает государственную зарплату. По совместительству борется за права ЛГБТ.

Это как? Фактически государственный служащий идёт с хамским плакатом на политическую акцию, а потом пишет заявление за бугор, что её притесняют за современное искусство.

Сейчас в разных государственных структурах идут жаркие споры вокруг за-

кона о культуре. Есть несколько вариантов, конфликтующих друг с другом. Даже певца-матерщинника в Думу позвали — рассказать, что Министерство культуры не нужно в принципе. Так убедительно говорил, правда, без брани, но и без малейшего намёка на логику.

Объясняют, почему это глупость, не нужно, потому что это не глупость. Шнур, а точнее тот, за кого он говорит, хочет, чтобы в России появилась схема, подобная западной, где всё же есть государственное финансирование культуры и даже государственный заказ. Только деньги идут иначе. Проще говоря, деятели искусств хотят ауторсинга от культуры и корпоративной неприкосновенности. Художник — личность тонкая, ранимая, ему всё можно, и для него ничего нельзя запрещать.

На самом деле, это — мафия, засевшая внутри государства, и победить их, на первый взгляд, не представляется возможным.

Группы, художественные объединения, отдельные активисты ничего не изменят — весовые категории разные. Только если не изменить существующее положение дел, то государство исчезнет, вместе с "нефтяной", "оборонкой" и прочими отраслями. Есть разумное мнение, что Союз уничтожили цеховики, слившись с государственным аппаратом — это так, но вначале была культура.

Советские деятели искусства сбили целеполагание у целой страны. А уж потом подоспели захотевшие красиво тусоваться подпольные капиталисты, чиновники и прочая свободолобивая интеллигенция.

В золотые 30-е за малейший намёк на комплиментарность к Западу отправлялись далеко и, как правило, навсегда. Это одна из причин, почему мы выиграли самую страшную войну в истории человечества. Сейчас на горизонте новая война, которая уже началась, и если не избавимся от врагов внутри русской культуры, то потеряем всё.

Дело плохо, но есть надежда. За пять посткрымских лет страна всё же изменилась, перечислять все радости не нужно, чтобы не потерять бдительность и не останавливаться.

Самое главное, что появилась правая бегома, модная и злая. В то время как "белотные настроения" в мире искусства становятся маргинальными и жалкими.

Иногда просматриваю странички уехавших или замолчавших. Либеральные пребывают в параллельном, иллюзорном мире или раздвинулись.

Много хорошего за эти годы было, но если художники не способны выкорчевать пропагандных деятелей из управления российской культурой, то на помощь могут прийти ведомства нехудожественного характера, в которых тоже работает своя экономика, но есть понимание значимости ситуации и возможных выгод.

Да и в самом Министерстве культуры не всё однозначно. В законопроекте, который они подготовили на данную тему, есть незаметная, но важная идея, предлагающая отделить актуальное искусство от традиционного.

А это могла для "актуальщиков". Сейчас они прикрываются терминами "искус-

ство", "культура", а если этот законопроект станет законом, то они получат клеюмо.

Это очень хорошая надежда. Мысли, озвученные певцом-матерщинником, тоже могли бы иметь смысл; только если он хочет, чтобы государственные деньги шли в либеральные карманы ещё большим потоком, то ведь может получиться иначе. Министерство культуры нигде не денется, а вот если у каждого министерства и значимой организации появятся действительно работающие департаменты по культуре, с серьёзными бюджетами и пониманием, для чего идёт работа, то может получиться.

У Министерства обороны может получиться.

Они делают очень верные шаги в сторону создания собственного "министерства" культуры.

Само министерство может спокойно заниматься традиционным искусством, а поддержку и развитие действительно современное передать тем, кто не будет выставлять огрызки под видом произведений.

Министерство сельского хозяйства вполне может заказать лучшим живописцам страны проект о современном крестьянстве.

Только это нереально при современном положении дел. Чиновники и менеджеры разных уровней не пустят проект, который разрушает их мир.

Игорь СТАРКОВ